

КОНАН ДОЙЛЬ И ШЕРЛОК ХОЛМС

В восьмидесятых годах прошлого века молодой английский врач Артур Конан Дойль практиковал в Саутси (пригород Портсмута) и с трудом сводил концы с концами. Однажды налоговый инспектор сообщил ему, что его декларация о доходах «совершенно неудовлетворительна». «Я согласен», — сокрушенно ответил ему Конан Дойль.

Время от времени молодой врач предпринимал попытки увеличить свои скромные доходы литературным заработком. Он пробовал себя в разных жанрах с посредственными результатами — творческими и материальными. Наконец в 1887 году повесть «Этюд в багровых тонах», предварительно отвергнутая несколькими издательствами, была напечатана и принесла своему создателю скромный гонорар — 25 фунтов стерлингов. Это было первое появление Шерлока Холмса. Вторая повесть Дойля о Шерлоке Холмсе, «Знак четырех», была опубликована в 1890 году в американском журнале «Липпинкотс мэгэзин». Начиная с июля 1891 года почти в каждом номере английского журнала «Стрэнд мэгэзин» стали появляться новеллы о Холмсе, получившие огромную популярность.

Рассказы о Холмсе собраны Дойлем в пять сборников: «Приключения Шерлока Холмса» (1892), «Записки о Шерлоке Холмсе» (1894), «Возвращение Шерлока Холмса» (1905), «Его прощальный поклон» (1917) и «Архив Шерлока Холмса» (1927). Когда к писателю однажды обратились с просьбой перечислить лучшие из рассказов о Холмсе, он отобрал 12 вещей; «Скандал в Богемии», «Союз рыжих», «Пестрая лента», «Пять апельсиновых зернышек», «Пляшущие человечки», «Последнее дело Холмса», «Пустой дом», «Второе пятно», «Дьяволова нога», «Случай в интернате», «Обряд дома Месгрейвов» и «Рейгетские помещики». За ними следовали «Львиная грива» и «Знаменитый клиент». По другим данным, автор из историй о Шерлоке Холмсе предпочитал «ту, которая о змее» («Пестрая лента»), но не помнил ее заглавия.

Только с Конан Дойля начался настоящий расцвет столь популярного в наши дни жанра. Он вдохнул в него жизнь и движение, заставил читателей с увлечением следить за полными динамики и драматизма приключениями. Конан Дойль — прирожденный рассказчик, пусть его сюжетные схемы не всегда оригинальны, а детали не свободны от противоречий и фактических ошибок. В лучших вещах все это искупается увлекательностью и яркостью повествования и двумя удачными образами — Холмсом и Уотсоном. Его произведения можно

не только читать, но и перечитывать. Это можно сказать лишь о многих произведениях детективного жанра.

Последняя треть XIX века была в Англии периодом широкой веры в непреодолимую силу науки. Конан Дойль и созданный им знаменитый персонаж — Шерлок Холмс разделяли это всеобщее убеждение своей эпохи. Шерлок Холмс отмечает книгу Уинвуда Рида «Мученичество человека», в которой можно было прочесть такие горделивые слова: «Когда мы установим средствами науки способы управлять природой, мы сможем занять ее место... Люди станут повелителями сил природы, зодчими солнечных систем, созидателями миров. Человек тогда будет совершенным, он будет творцом, он, следовательно, будет тем, кого всеобщее поклонение зовет богом».

Шерлок Холмс проводит ночи напролет в лаборатории, согнувшись над ретортами и пробирками. Во время его первой встречи с Уотсоном он как раз «открыл реактив, который осаждается только гемоглобином и ничем другим». Это сулит переворот в криминалистике. Уже в годы юности он неделями занимается опытами по органической химии, впоследствии целыми месяцами изучает производные каменноугольной смолы. Из рассказа «Последнее дело Холмса» мы узнаем, что Холмс собирался целиком отдаться занятиям химией.

Ничто не ускользает от его поразительной наблюдательности. Ничтожный материальный след достаточен ему для заключений о профессии и прошлом человека. «Вы знаете мой метод,— говорит он Уотсону.— Он основан на наблюдении мелочей». «Мир полон таких очевидностей,— говорит он в другом месте но их никто не замечает». Результаты своих наблюдений он обобщает в специальных монографиях, ему принадлежат «исследования» об определении сортов табака по пеплу, о копировании следов, о влиянии профессии на форму руки — все это действительно имеет значение в расследовании преступлений.

Порой выводы Холмса не свободны от натяжек. Например, его суждение о том, что владелец найденной шляпы большого размера должен быть человеком большого ума — «Не может же быть совершенно пустым такой большой череп» («Голубой карбункул»),— вызывает улыбку: как известно, размер головы далеко не всегда является признаком ума. Но не надо торопиться со скептическими заключениями о научной ценности произведений Дойля. Один из крупнейших представителей научной криминалистики, француз Э. Локар, неоднократно признавал, что рассказы о Холмсе небезынтересны для специалистов, и особо отмечал указание героя Конан Дойля на необхо-

димось при расследовании преступлений изучать пыль, дорожную грязь, пепел (Э. Локар. Руководство по криминалистике. М., 1941, стр. 88 и 391).

Сам Холмс сравнивает работу детектива со знаменитым принципом корреляции органов Кювье: «Подобно тому, как Кювье мог правильно описать животное, глядя на одну его кость, наблюдатель, досконально изучивший одно звено в цепи событий, должен быть в состоянии точно установить все остальные звенья, и предшествующие и последующие». «Однако,— добавляет Холмс,— чтобы довести это искусство до совершенства, мыслитель должен иметь возможность использовать все известные ему факты, а это само по себе предполагает, как вы легко убедитесь, исчерпывающие познания во всех областях науки, что даже в наши времена бесплатного образования и энциклопедий — качество весьма редкое».

Шерлок Холмс, конечно, в первую очередь представитель позитивного склада мысли, мастер исследования материальных следов, родоначальник галереи «научных детективов». Но было бы ошибкой недооценивать его психологическую изощренность, его умение проникать в мысли других. «Шерлок Холмс со своими двумя отличительными характеристиками ученого и психолога...» — говорит о нем Антонио Грамши (А. Грамши. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. М., 1959, стр. 531).

Логика позитивного факта торжествует на страницах рассказов о Холмсе и сочетается с присущим Дойлю даром динамического, проникнутого драматизмом повествования, живописной причудливостью и оригинальностью завязок, элементами «страшного», заставляющего вспомнить о «готических» романах, эффектными концовками. Сам Холмс относился критически к этим сочетаниям логики и драматизма. «Расследование преступлений — точная наука, по крайней мере, должно ею быть. И описывать этот вид деятельности надо в строгой, бесстрастной манере. А у вас там сантименты. Это все равно, что в рассуждение о пятом постулате Эвклида включить пикантную любовную историю», — говорит он Уотсону по поводу его повествовательной манеры в «Этюде в багровых тонах». Но ему самому были присущи склонность к мистификациям, стремление поразить неожиданным эффектным финалом. «Я никогда не мог удержаться от примеси драматизма», — признается Холмс. В нем много артистизма, который увлекает его своим контрастом с размеренным, однообразным буржуазным существованием. «Мой мозг бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запу-

таннейший случай... Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряженной деятельности».

Но Холмс обращается к деятельности детектива не только ради искусства для искусства. Под маской бесстрастного, хладнокровного аналитика скрыт гуманный, добрый и благожелательный к своим клиентам защитник терпящих бедствие и несправедливо обвиненных. Когда тайна «Человека с рассеченной губой» еще не разгадана, он сокрушенно говорит своему верному другу: «Представления не имею, что я скажу этой милой женщине, когда она встретит меня на пороге». Его бескорыстие и готовность помогать неимущим клиентам подчеркивает автор: «Он был настолько бескорыстен — или настолько независим,— что нередко отказывал в своей помощи богатым и знатым людям, если не находил ничего увлекательного для себя в расследовании их тайн. В то же время он целые недели ревностно занимался делом какого-нибудь бедняка». Среди обширной галереи героев детективной литературы «отшельник с Бейкер-стрит» — один из самых симпатичных и привлекательных.

Постоянной ареной приключений Холмса является Лондон и его окрестности. Очень редко действие переносится за рубеж, как в «Последнем деле Холмса». Холмс неотделим от Лондона конца века с его кэбами и газовыми фонарями, тускло светящими в туманные вечера. Энтузиасты называют Лондон восьмидесятых и девяностых годов Лондоном Холмса и посвящают многочисленные изыскания попыткам точно установить, где именно находился знаменитый дом 221-6 по Бейкер-стрит, штаб-квартира Холмса и Уотсона. Это помещение, где Холмс в халате мастерски играл на скрипке или, окутанный клубами табачного дыма, проводил длительные часы в размышлениях над очередной проблемой,— почти постоянный отправной пункт действия в эпопее. Именно сюда стекаются отчаявшиеся клиенты, чья последняя надежда — Холмс. Эта квартира — олицетворение уюта и безопасности среди угроз и бед, подстерегающих свою жертву на мрачных и зловещих улицах большого города. Кажется, что о Холмсе на Бейкер-стрит сказал Честертон: «Идеал уюта — идеал чисто английский... Уют поэтичен тем, что он содержит в себе идею защиты, чуть ли не борьбы; он напоминает о вторжении снега и града и о веселых пиршествах в осажденной крепости. Наши мирные мечты нуждаются в аксесуарах в виде мрачного и зловещего фона».

Созданный авторской фантазией герой вышел за пределы литературы и стал для читателей живым человеком. Читатели, полюбившие Шерлока Холмса и своими обращениями к автору добившиеся его воскрешения, засыпали Конан Дойля письмами, адресо-

ванными «Мистеру Шерлоку Холмсу» и содержащими просьбы к знаменитому детективу расследовать тот или иной запутанный случай.

Не удивительно, что среди литературы о Конан Дойле большое место занимают исследования о Шерлоке Холмсе, как живом лице: многочисленные попытки воссоздать «биографии» Холмса и Уотсона, обсуждение таких проблем, как «Холмс и музыка», «Холмс и природа», гонорары Холмса, топография Лондона холмсовского времени и т. д. В Лондоне существует мемориальный музей-квартира Холмса, представляющий собой реконструкцию по рассеянным у Дойля указаниям обстановки жилья знаменитого детектива. Другой холмсовский музей открыт сыном Дойля в Швейцарии. Шерлок Холмс явно стал своего рода национальным установлением, любимой реликвией для множества англичан.

Конан Дойль отрекался от своего создания, хотел избавиться от него. Но читательское сознание оказалось проницательнее и справедливее. После Конан Дойля было опубликовано бесчисленное множество детективных романов, лучшие из которых превосходят по сюжетной изобретательности произведения о Холмсе. Но ни один из персонажей детективной литературы не может похвалиться такой популярностью, как Шерлок Холмс.

А. Наркевич